

Н. В. ЗАХАРОВ
**Английский
 язык
 в тезаурусе
 Пушкина**

Основными исследованиями, посвященными переводам Пушкина с английского языка, являются статьи М. А. Цявловского «Пушкин и английский язык» (1913) и М. П. Алексеева «Пушкин и Шекспир» (1972), вскользь этой проблемы также касался Ю. Д. Левин в статье «Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина» (1974). Судя по тем сведениям, которые приводят в своих трудах М. А. Цявловский, Пушкин смог читать Шекспира в английском подлиннике более-менее свободно не ранее 1828 г., когда он довольно хорошо овладел английским языком. М. А. Цявловский отмечал наличие отдельных английских фраз и аллюзий в произведениях и письмах Пушкина, которые периодически стали появляться около 1828 г. Однако американский исследователь Т. Шоу приводит пример, относящийся к началу работы над

«Борисом Годуновым», — «письмо с рождественскими поздравлениями брату Льву, где он обращается к нему как Лайон (т. е. Lion, английский вариант имени брата). Письмо написано около 20-23 декабря 1824» (XIII, 131). (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, цитаты и ссылки на тексты Пушкина с указанием *тома* (римской цифрой), *страницы* (арабской цифрой) даются по Полн. собр. соч. в 16-ти томах (Пушкин 1937-1959); с указанием *года*, *тома* (римской цифрой), *страницы* (арабской цифрой) по Полн. собр. соч. в 10-ти томах (Пушкин 1977-1979). В необходимых случаях по прижизненным изданиям и рукописям восстановлена заглавная буква в цитируемых текстах Пушкина). В нем, по словам ученого, «Пушкин обыгрывает взаимоотношение между английской орфографией и пунктуацией» (Шоу 2002: 330).

Свою мистифицирующую роль сыграли преувеличения познаний поэта в английском языке, о чем свидетельствовал «Московский телеграф» за 1829 г. В частности, анонимный автор заметки писал: «Пушкин выучил английский язык — кто поверит тому? — в четыре месяца! Он хотел читать Байрона и Шекспира в подлиннике — и через четыре месяца читал их по-английски, как на своем родном языке» (В. В. Вересаев называет автором этой рецензии Н. А. Полевого, см.: Вересаев 1990: 446). М. П. Алексеев считал, «что познания Пушкина в данном случае явно преувеличены» (Алексеев 1972: 243). Мы же, наоборот, считаем, что мистифицированы сроки овладения языком: к изучению английского языка Пушкин приступил гораздо раньше, и его путь к овладению языком был дольше.

Когда Пушкин приступил к занятиям английским языком? Ввиду противоречивости свидетельств пушкинских современников на этот вопрос нельзя ответить с категоричной точностью. «Лучший источник информации на этот счет, — отмечал Т. Шоу, — без сомнения, мемуары его сестры Ольги, которые она записала для П. В. Анненкова в 1851 г., когда тот работал над первой подробной биографией Пушкина» (Шоу 2002: 331). Со слов О. С. Павлицевой первый биограф поэта записал: «Когда у сестры была гувернанткой англичанка (М-ме Бели), то он учился и по-английски, но без успеха» (Пушкин 1998: 32-33).

Вопрос, насколько можно доверять этому свидетельству родной сестры поэта, возникает, потому что оно противоречит свидетельству отца Сергея Львовича Пушкина, который утверждал, что Александр ко времени поступления в лицей, «уже этот язык знал, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке» (Пушкин 1998: 428). Конечно, критерий в оценке познаний кого-либо в иностранном языке мог быть разным — требовательным у сестры, которая, кажется, свободно владела английским языком, и менее строгим у отца поэта. К тому же эти свидетельства важны для нас, в первую

очередь, как доказательство нашего предположения, что Пушкин рано стал соприкасаться с английским языком, — гораздо раньше, чем это принято считать в русской пушкинистике. В этой связи для нас совсем не важен вопрос, насколько свободно Пушкин владел английским языком в детстве и отрочестве, — главное, что он уже получил первоначальные уроки этого языка из уст его носителя, и они пригодились ему в самообразовании, поскольку в лицее английский не преподавался.

Говоря о роли, которую в творческой эволюции Пушкина занимали Англия, англичане, английский язык и английская литература, А. А. Долинин мельком отмечает юношеский оссианизм Пушкина, однако, как полагает исследователь, он «не имел никакой специфически британской окраски» (Долинин 2001: 44).

В изучении языка Пушкину могли помочь беседы с английским врачом, о которых нам известно из злополучного письма поэта к П. А. Вяземскому или В. К. Кюхельбекеру от апреля или мая 1824 г., ставшее причиной его Михайловской ссылки. К сожалению, нам доподлинно не известно, «чтобы он обсуждал или читал с ним Шекспира, тогда или позже» (Долинин 2001: 44).

По мнению П. В. Анненкова, в 1823–1824 гг. «Пушкин успел выучиться на юге по-английски и по-итальянски и много читал на обоих языках» (Анненков 1999: 89–90). Но тогда не понятно самокритичное недовольство Пушкина своими познаниями в английском, когда в письме к кн. П. А. Вяземскому от 25 ноября 1825 г., сразу после окончания «Бориса Годунова», поэт отчаянно писал: «Мне нужен англ. яз. — и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора» (XIII, 243). По-видимому, смена Южной ссылки на Михайловскую помешала поэту продолжить изучение английского, прервав его в самом разгаре.

О том, что Пушкин был знаком с английскими текстами еще до создания трагедии «Борис Годунов» (1825), говорил в комментариях к драме Г. О. Винокур (Винокур 1935:

489), который приводил в доказательство отсутствие во французском переводе Латурнера характерного шекспировского приема чередования в тексте стихов и прозы, который имеется в пушкинской драме.

Нет сомнения в том, что Пушкин обладал особой способностью к изучению иностранных языков, — тому есть много свидетельств современников. Французский язык для русского поэта являлся вторым родным, во время южной ссылки Пушкин учился говорить по-молдавски в Кишиневе и по-итальянски в Одессе (Вересаев 1990: 164, 214). В бумагах поэта сохранились опыты изучения иврита, древнегреческого, арабского, английского и немецкого языков (Рукою Пушкина... 1935). Вероятно, Пушкин принялся серьезно изучать английский язык во время путешествия в Крым в 1820 г. Так, по сведениям П. И. Бартенева, в доме, построенном герцогом Ришелье в Гурзуфе, который принадлежал семье генерала Раевского, «нашлась старинная библиотека, в которой Пушкин тотчас отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать. Кроме того, Байрон был почти ежедневным его чтением; Пушкин продолжал учиться по-английски, с помощью Раевского сына...» (Вересаев 1990: 135). Еще более интересным является продолжение этого свидетельства: «Пушкин часто разговаривал и спорил с старшей Раевской о литературе. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона и Вальтер-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Брат сказал о том Пушкину, который стал подбирать клочки изорванных бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверяя, что они чрезмерно верны» (Вересаев 1990: 135). Выходит, что уже к этому времени Пушкин настолько хорошо овладел английским языком, что мог оценить точность переводов, выполненных Е. Н. Раевской. Интересно замечание, которое сделала Екатерина Николаевна, когда в печати появились сведения, «будто Пушкин учился в Юрзуфе под ее руководством английскому языку». По ее словам, такие отно-

шения были просто невозможны: «Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием к такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой» (Пушкин 1998: 211). В. Набоков справедливо сомневается по поводу возможности глубокого изучения английского языка Пушкиным в период его пребывания в доме Раевских в 1820 г., но в то же время он отказывает поэту вообще в способности к усидчивому обучению: «Девушки Раевские (познавшие английский от гувернантки), которые преподают в беседках и гротах язык Байрона старательному, хотя и охваченному любовью Пушкину, — это легкая форма галлюцинаций у русских редакторов» (Набоков 1999: 173–174). Автор явно утрирует ситуацию: сестры Раевские играли в пушкинском самообучении английскому языку роль «ходячего словаря» и помогали ему разобраться в значении незнакомых слов, что еще раз дает основание предположить его начальное знакомство с английским языком, состоявшееся еще благодаря англичанке Белли — гувернантке сестры поэта Ольги Пушкиной.

Вот какую характеристику дает русскому поэту Кс. А. Полевой: «Если бы записан был хоть один такой разговор Пушкина, похожий на рассуждение, перед ним показались бы бледны профессорские речи Вильмена и Гизо. Вообще Пушкин обладал необычайными умственными способностями. Уже во время славы своей он выучился, живя в деревне, латинскому языку, которого почти не знал, вышедши из Лицея. Потом, в Петербурге, изучил он английский язык за несколько месяцев, так что мог читать поэтов. Французский знал он в совершенстве. «Только с немецким не могу я сладить! — сказал он однажды. — Выучусь ему, и опять все забуду: это случалось уже не раз». Он

страстно любил искусства и имел в них оригинальный взгляд. Тем особенно был занимателен и разговор его, что он обо всем судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально» (Пушкин 1998: 59).

Еще одним свидетельством пушкинского таланта к языкам могут послужить воспоминания А. Ф. Кони: «Поэт стремительно расширяет круг своей образованности, упущенное из-за ссылки время. В 1828 г. — 29 лет — он овладевает английским и читает в оригинале Байрона и его соотечественников, изучает Данте и итальянских поэтов, переводит с французского, испанского (Сервантеса), английского, польского, старофранцузского. Вот еще одно свидетельство современника поэта, относящееся к этому периоду: «Пушкин учится английскому языку, а остальное время проводит на дачах». П. А. Муханов — М. П. Погодину, 11 авг. 1828 г. (Вересаев 1990: 372. Ср.: Цявловский 1913: 70). Глубокая и разносторонняя осведомленность его в вопросах искусства, литературы и истории, политики, даже лингвистики, удивлявшая его собеседников в 1830-е годы, складывалась именно в это время. Перед современниками, знавшими его в молодости, поэт неожиданно предстанет как глубокий мыслитель, разносторонний эрудированный ученый, знаток истории человечества и человеческой культуры, как острый критик и публицист. Пушкин сумел соединить в себе, по выражению Мицкевича, столь «выдающиеся и разнообразные способности, что они, казалось, должны были бы исключать друг друга» (Кони 1906: 451).

Вместе с тем немало исследователей скептически оценивают пушкинские познания в английском языке. Так, например А. Майков свидетельствовал со слов С. П. Шевырева, что «Шекспира (а равно Гете и Шиллера) он (Пушкин. — Н. З.) не читал в подлиннике, а во французском старом переводе, поправленном Гизо, но понимал его гениально. По-английски выучился он гораздо позже, в Петербурге, и читал Вордсворта». Опровергает это традиционное предубеждение свидетельство М. В. Юзефовича, который расска-

зал интересный эпизод из походной жизни Пушкина в конце 1820-х годов: «Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю, и вообще, для своего серьезного образования, воспользовался с успехом ссылкой. Так, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир. Однажды он в нашей палатке переводил брату и мне некоторые из него сцены. Я когда-то учился английскому языку, но, не доучившись как следует, забыл во впоследствии. Однако ж все-таки мне остались знакомы его звуки. В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого на другой день я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык, как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался, в свою очередь, и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным» (Пушкин 1998: 114).

Известно, что Пушкин собирал новинки иностранной литературы о Шекспире, которыми он постоянно пополнял свою огромную библиотеку. Об этом свидетельствуют книги о Шекспире, которые сохранились в библиотеке поэта, и воспоминания современников. Так, Я. К. Грот пишет: «Изучая английский язык, я сошелся с Пушкиным в английском книжном магазине Диксона... Увидев Пушкина, я забыл свою собственную цель и весь превратился во внимание: он требовал книг, относящихся к биографии Шекспира, и, говоря по-русски, расспрашивал о них у книгопродавца» (Грот 1899: 275–276). В пушкинской библиотеке имелись прозаиче-

ческие пересказы Чарльза Лэма для детей (Charles Lamb. *Tales from Shakespeare. Designed for the use of young persons. Fifth ed.* London, 1832), книга Л. Тика «Шекспир и его современники» во французском переводе с немецкого (L. Tieck. *Shakespeare et ses contemporains.* Paris, 1832), также книга Л. Мезьера об истории английской литературы, где много говорится о Шекспире (L. Mezières. *Histoire critique de la littérature anglaise depuis Bacon...* Paris, 1834). Было в библиотеке Пушкина и несколько томиков недошедшей до нас классической немецкой книги Карла Иозефа Зимрока «Источники Шекспира» (K. Simrock. *Die Quellen des Shakespeare in Novellen, Marchen und Sagen.* 1831. 3 Theile). Конечно, объем знакомства Пушкина с наследием Шекспира и критикой о нем значительно больше, чем известные на сегодняшний день документальные свидетельства, но и они достаточно убедительно говорят о серьезности и основательности шекспировских штудий Пушкина.

Как справедливо заметил М. П. Алексеев, бесспорным является тот факт, что «в середине 30-х годов Пушкин являлся у нас одним из самых авторитетных ценителей и знатоков Шекспира и что он был очень начитан в современной критической литературе о Шекспире, как русской, так и иностранной. Об этом свидетельствуют его критические наброски об отдельных образах шекспировых драм, не увидевшие света при жизни поэта, и, кроме того, упоминание Шекспира в произведениях Пушкина в стихах или прозе, отклики в них, сознательные или бессознательные, на шекспировские пьесы, сцены, отдельные строки и т. д.; о том же, наконец, свидетельствуют сохранившиеся рукописи Пушкина — начало перевода одной из шекспировских драм непосредственно с английского подлинника» (Алексеев 1972: 267). Здесь М. П. Алексеев имеет в виду шекспировскую комедию «Мера за меру» («*Measure for Measure*»), которую Пушкин попытался перевести, однако бросил на первой же сцене, предпочтя написать собственную поэму на сюжет драмы Шекспира. Но кульминации

шекспиризма Пушкина, проявившегося в пересоздании «*Measure for Measure*», предшествовала долгая увлеченность поэта великим англичанином, которая выразилась как в сознательных, так и бессознательных обращениях к его наследию.

А. А. Долинин дает «краткую летопись важнейших контактов Пушкина с английской литературой», которые к началу 1830-х годов стали регулярны: в 1830 г., в Болдино, перевел сцену из «Города чумы» Джона Вильсона и изучал Барри Корнуола; в 1831 г. просил Плетнева переслать ему в Москву книги Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare и тревожился о бунтах английской черни; в 1834 или 1835 г., по воспоминаниям Я. К. Грота, требовал у книгопродавца Диксона «книг, относящихся к биографии Шекспира»; в 1835 г. в очередной раз перечитывал Вальтера Скотта в Тригорском, задумывал журнал «наподобие английских трехмесячных *Reviews*», перелагал стихами начало «Пути Паломника» Джона Беньяна и заводил книгу заметок по образцу *Table Talk* Кольриджа; в 1836 г. отстаивал честь Джона Мильтона (а, опосредованно, и свою собственную) в незаконченной статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе *Потерянного рая*»; и, наконец, в январе 1837 г., в заметке-мистификации «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» произнес последний приговор своему времени и своему окружению — «Жалкий век! Жалкий народ!» — устами придуманного им английского журналиста, а в последнем письме, написанном в день дуэли, заказывал А. О. Ишимовой переводы из Барри Корнуола для «Современника» (Долинин 2001: 44). Ранее факт заказа в день дуэли переводов из Барри Корнуола отмечал В. В. Вейдле (Вейдле 1991: 35). Конечно, на изучение английского языка вряд ли могли повлиять пушкинское увлечение английским боксом и его посещения Английского клуба, завсегдатаем которого был русский поэт, но эти биографические факты выражают общий интерес к британской культуре, переросший в 30-е годы в англоманию Пушкина.

А. А. Долинин составил достаточно полный индекс цитируемых Пушкиным английских авторов: «В цитатном фонде Пушкина наличествуют хрестоматийный Шекспир — «Гамлет», «Ричард III», «Как вам это понравится», а также Мильтон, Стерн, Э. Берк и, конечно же, поэты-современники: лорд Байрон, Томас Мур, Роберт Саути, Чарлз Вулф, Уильям Вордсворт, Сэмюэль Кольридж, Барри Корнуол. Из 1420 наименований в основных разделах описания библиотеки Пушкина, составленного Б. Л. Модзалевским, 171 приходится на издания английских и американских авторов либо в оригинале, либо в переводах на русский или французский языки, причем в ряде случаев речь идет о многотомных сериях, конволютах и собраниях сочинений. В библиотеке Пушкина были хорошо представлены Шекспир, Мильтон и ряд других английских классиков, почти все самые заметные авторы XVIII века, а также современные поэты, романисты и эссеисты» (Долинин 2001: 44).

А. А. Долинин говорит об особом влиянии на Пушкина Байрона, Шекспира и Вальтера Скотта, поскольку «именно эти три британца — один за другим — играли важнейшую роль на разных этапах творческой эволюции Пушкина, едва ли не всякий раз, когда он осваивал новый жанр за пределами лирики. Восточные поэмы Байрона послужили ему жанровой моделью для «южных поэм», а «Беппо» и «Дон Жуан» — для «Евгения Онегина» и «Домика в Коломне»; исторические хроники Шекспира — для «Бориса Годунова», романы Вальтера Скотта — для «Арапа Петра Великого» и «Капитанской дочки» (Долинин 2001: 44).

Собственно, саму проблему, насколько хорошо Пушкин знал английский язык, А. А. Долинин предлагает решить, найдя середину между точкой зрения М. А. Цявловского (Цявловский 1913: 71), признанной позже почти всеми пушкинистами, и противоположным мнением Владимира Набокова, утверждавшим, что Пушкин до конца своих дней знал английский язык на уровне начинающего, и в качестве доказательства указы-

вал на грубые ошибки, допущенные им в словесных переводах и заметках, сделанных уже в 1830-е годы. «По убеждению Набокова, Пушкин во всех без исключения случаях читал английские тексты с помощью французских или русских переводов-посредников; вопреки очевидности, он отрицал даже тот бесспорный факт, что источником «Пира во время чумы» послужила сцена драматической поэмы Джона Вильсона «Город чумы», прочитанная Пушкиным в оригинале, и без всяких на то оснований постулировал существование какого-то ее французского перевода, который так никогда и не был обнаружен» (Долинин 2001: 45–46).

Вступать в полемику с Набоковым — дело неблагодарное, отчасти ввиду блистательной иронии, с которой писатель рассуждает об этой проблеме. Мнение Набокова, хотя и продумано, но предвзято. Так, он упрекает Пушкина в поверхностном знании французского языка: «Как и большинство русских, Пушкин был плохой лингвист: даже его беглому французскому, усвоенному еще в детстве, во-первых, недоставало индивидуальной характеристики и, во-вторых, судя по его письмам, так и пришлось в течение всей жизни оставаться под блистательной властью избитых шаблонов, заимствованных в восемнадцатом столетии» (Набоков 1999: 177). Эта оценка Набокова резко контрастирует с суждениями других исследователей Пушкина: «Это едва ли не единственный случай в истории литературы, чтобы великий поэт, величайший поэт своей страны, признавался, что ему легче писать на иностранном языке, чем на своем, и действительно писал на этом языке свои любовные письма и письма официального характера, а также предпочитал бы обращаться к нему для изложения мыслей сколько-нибудь отвлеченных. Когда ему надо было рассуждать, он делал это большей частью по-французски и русское выражение редко приходило ему первым на ум, как это показывают черновики его критических писаний» (Вейдле 1991: 33–34). Свое мнение о высокой степени знания Пушкиным французского языка

В. В. Вейдле подтверждает словами из письма Мериме, писавшего С. А. Соболевскому о «Пиковой даме»: «Я нахожу, что фраза П[ушкина] звучит совсем по-французски, я, конечно, имею ввиду французский язык XVIII века, так как в настоящее время писать с надлежащей простотой уже не умеют» (Виноградов 1928: 100, фр. оригинал письма с. 99). Эти слова Мериме и выводы Набокова перекликаются в указании на зависимость Пушкина от французской культуры XVIII века, которая отразилась в его манере письма на русском языке, но оценка этого явления другая: Набоков видит ее отрицательное влияние, тогда как французский писатель Мериме отмечает мастерство Пушкина во владении простым и ясным языком, который утратила современная ему французская литература.

Что касается пушкинских ошибок в английском языке, Набоков отчасти лукавит, не давая своих переводов, но именно таким образом можно было бы понять его точку зрения, увидеть его вариант, который, естественно, должен быть «лучше» пушкинского. Почему он этого не делает? Возможно, потому что приводимые примеры неявно характеризуют пушкинскую «неученость» и могут быть свидетельством его поэтико-переводческого своеволия. Приводя хронологию «борьбы нашего поэта с английским языком», Набоков подчас сам себе противоречит. Например, несмотря на внимательное изучение книги «Рукою Пушкина», подготовленной А. Б. Модзалевским, М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер (Москва, 1935), В. В. Набоков не придает значения тому факту, что свою «ошибку» в переводе с английского на французский первых четырнадцати стихов байроновского «Гяура» в 1821–1822 гг. Пушкин исправил в русском переводе, и пушкинский вариант восхитил строгого критика: «На волшебном русском языке Пушкина это передано как “прах Афин”» (Набоков 1999: 177). Так поэт отдает должное поэту: «прах Афин» придает словам другое измерение — измерение поэтической вечности, оно изысканнее «могилы афинянина» («the Athenian's

grave»), которая, впрочем, тоже возникает в переводе:

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин катится;
<.....>
Высокая могила зрится.

(II, 469, ср.: 990)

Те же ошибки, которые Набоков называет, допустимы на начальной стадии работы над переводом. (Тем не менее, В. Набоков с сарказмом отмечает: «Неудивительно, что в принадлежащей ему (написанной по-французски) книге П. Дж. Поллока «Курс английского языка...» (СПб., 1817) разрезано лишь очень немного страниц — наобум, в нескольких местах».) И совсем неубедительны ссылки на акцент Пушкина в английской речи, на что не раз указывал сам поэт, говоря о своем уродливом английском произношении. Так ли оно важно для понимания и осмысления печатных текстов английской литературы, восприятия ее тем и образов? Вспомним, что сам Набоков не всегда блестяще справлялся с переводческими задачами. Так, он занудно перевел «Евгения Онегина» прозой, убив в нем как Пушкина, так и саму поэзию, но провозгласил свой педантичный перевод дословным.

А. А. Долинин не оспаривает тот безусловный факт, что «в конце 1820-х годов Пушкин серьезно занимался английским языком и овладел им в такой степени, что стал регулярно читать по-английски, покупать английские книги и переводить английских авторов. Неслучайно все цитаты из англоязычных авторов на языке оригинала появляются у него не ранее 1828 г. (А. А. Долинин не счел нужным упомянуть о XXXVIII строфе второй главы «Евгения Онегина», оконченной в Одессе 8 декабря 1823 г., где приводится восклицание Гамлета на английском языке над черепом шута «Poor Yorick!». — Н. З.). В то же время его английский язык был весьма далек от совершенства» (Долинин 2001: 46). Опираясь на собственное признание Пушкина, что он самостоятельно выучил английский язык, А. А. Долинин делает вывод: «потому знал как очень способный самоуч-

ка — с большими пробелами, вызванными недостаточным знанием грамматики, ограниченным словарным запасом и инерционным воздействием навыков чтения по-французски. Об этом свидетельствуют однотипные ошибки и неточности почти во всех его переводах с английского» (Долинин 2001: 46). К сожалению, автор статьи не подтверждает свои выводы примерами.

А. А. Долинин полагает: «С помощью словаря Пушкин способен был правильно понять и перевести текст средней степени сложности (например, большую часть сцены из «Города чумы» или стихи Барри Корнуола с их относительно бедным словарем и простым синтаксисом), но явно испытывал затруднения, когда сталкивался с нетривиальным словоупотреблением (архаизмы, диалектизмы и т. п.) и усложненными грамматическими конструкциями. В подобных случаях он, несомненно, предпочитал разбирать текст с помощью перевода-посредника, если таковой имелся в его распоряжении, и, как правило, следовал, скорее, за ним, нежели за оригиналом. Скажем, перелагая в стихотворении «Странник» начало аллегорического романа Джона Беньяна «Пути паломника», он пользовался, в первую очередь, его русским переводом, о чем свидетельствуют многочисленные лексические совпадения, и только в одном месте отошел от него, приблизившись к английскому первоисточнику. Опору на перевод-посредник выдают и фрагменты комедии Шекспира «Мера за меру», включенные в поэму «Анджело»: единственная смысловая ошибка в них повторяет неверное прочтение английской идиомы французским переводчиком» (Долинин 2001: 46). Автор не поясняет эту ошибку, но, несмотря на кажущуюся справедливость выводов А. А. Долинина относительно пушкинской техники переводов с английского языка, попытаемся оспорить некоторые его суждения. На наш взгляд, нет ничего предосудительного в том, что Пушкин мог пользоваться прозаическими переложениями и поэтическими переводами на французский или русский языки. По сути дела, это один из ес-

тественных способов изучения оригинала переводчиком, особенно в то время, когда отсутствовали текстологические исследования, словари языка писателя и комментированные издания. Более того, даже переводы, выполненные профессиональными переводчиками «Меры за меру» в более позднее время, выдают их сверку с текстом пушкинского «Анджело».

Впрочем, констатируя, казалось бы, негативные пробелы в образовании Пушкина, в частности его ограниченные познания в английском языке, исследователь приходит к справедливому заключению: «Недостаточное знание английского языка и, как следствие, не всегда верное понимание оригинала во многих случаях весьма благотворно влияли на сам ход творческого процесса (курсив наш. — Н. З.), ибо активизировали творческую фантазию Пушкина, заставляли его домысливать недостающие элементы или создавать собственные их заменители» (Долинин 2001: 46). В качестве примера пушкинского сотворчества с великими английскими поэтами, спровоцированного недостаточным знанием английского, А. А. Долинин рассматривает песню Мэри в «Пире во время чумы», столь богатой в подлиннике шотландскими диалектизмами, «которые Пушкин в Болдино, без специальных пособий и словарей, едва ли имел возможность перевести. Допущенные при переводе Вильсона грамматические и лексические ошибки, в конечном счете получают определенное художественное обоснование, входя в новую систему смысловых отношений и соответствий, мотивированных не столько оригиналом, сколько структурно-тематическими связями внутри «Пира во время чумы» и его контекстов. Г. Гиффорд уже писал о том, что пушкинский смелый образ говорящих мертвецов, зовущих к себе Луизу, — это поэтическая удача, оживляющая описание, несмотря на то, что он появился вследствие оплошности (в оригинале ее зовет к себе страшный возница-негр). К этому следует добавить, что он не просто «украшает» монолог Луизы, но и входит в разветвленную сеть моти-

вов, связанных с одной из главных тем как «Пира», так и цикла «Маленьких трагедий» (и, шире, всего творчества Пушкина 1830–1831 гг.) — с двойной темой «вызывания мертвыми — живых, а живыми — мертвых» (Долинин 2001: 46). Таким образом, по мнению исследователя, великому русскому поэту удавалось обратить несовершенство собственного знания английского в плюс, а не минус — из недостатка в достоинство. На наш взгляд, эта красивая версия происхождения пушкинского текста несет в себе следы не так называемой «оплошности» Пушкина, якобы не способного отличить мертвецов от оригинального возницы-негра, а намеренное сотворчество русского поэта с Вильсоном, в которое он, как и в случае с тем же Шекспиром, вступает не в силу ограниченности своего знания английского языка и ошибок, а сугубо из личной художественной потребности.

В своем критическом взгляде на английский язык Пушкина исследователь высказывает предположение о том, «что сама продуктивность воздействия на Пушкина Байрона и Шекспира в 1820-е годы не в последнюю очередь объясняется тем обстоятельством, что он, по сути дела, имел дело не с Байроном, а с его переводчиком А. Пишо, не с Шекспиром, а с Летуэрнером и Гизо, а также с сопутствующей литературой, в основном, на французском языке. Вместо изучения оригиналов, Пушкин руководствовался их иноязычными прозаическими переложениями и чужими критическими оценками, что позволяло ему создавать для себя идеальные модели их творчества, абстрагированные от поэтического языка, и выделять в них те свойства, которые были созвучны его собственным художественным установкам. В результате, он получал возможность интегрировать новые темы, структурные принципы и композиционные приемы в свою поэтическую систему, которая при этом развивалась независимо от Байрона или Шекспира. Работая в 1820-е годы с французскими переводами-посредниками, Пушкин неизменно обращает внимание на «изобретение», «план», «систему»

авторитетных текстов, и его «шекспиризм» или «байронизм» в основном ограничиваются только областью архитектоники» (Долинин 2001: 46). Выдвигая эту гипотезу, автор игнорирует факт, приводимый американским пушкинистом Т. Шоу, что еще при создании «Бориса Годунова» в 1824–1825 гг. Пушкин обращался к шекспировскому оригиналу на английском языке, поскольку французские переводы Летуэрнера, исправленные позже Ф. Гизо и А. Пишо, были выполнены прозой и не передавали особенностей шекспировского стиха (Шоу 2002: 299).

А. А. Долинин останавливается на «наиболее ярком» примере «присвоения» Пушкиным чужого — влиянии «комических поэм» Байрона на замысел «Евгения Онегина» (Долинин 2001: 46–47). Так, исследователь утверждает, что для усвоения основных принципов и приемов повествовательной стратегии Байрона, Пушкину было вполне достаточно французского прозаического перевода (Долинин 2001: 47). А. А. Долинин предполагает, что свои догадки относительно поэтического языка «Беппо» и «Дон Жуана» Байрона, не имея представления об оригинале, Пушкин выстраивает, опираясь «на суждение их переводчика А. Пишо, утверждавшего в предисловии, что главное достоинство «комических поэм» Байрона — это «полностью испаряющаяся в переводе» прелесть стиля, отличающегося «легкостью и естественностью» (*l'aisance et le naturel*)» (Долинин 2001: 47). Исследователь считает, что, вступая в творческое соревнование с этим «гипотетическим Байроном», Пушкин создавал собственный легкий и естественный стиль «романа в стихах», весьма далекий от реального прототипа, но опосредованно обязанный ему своим рождением» (Долинин 2001: 47).

Исследователь критически оценивает и пушкинские попытки переводов из английской поэзии в 1830-е годы: «В случае с «Прогулкой» Вордсворта, «Марцианом Колонной» Барри Корнуола, вступлением к «Чайльд Гарольду» Байрона дело не идет дальше черновых подстрочных переводов; неотделан-

ными остаются переводы начала «Медока в Уэльсе» («*Madoc in Wales*») и «Гимна Пенатам» («*Hymn to the Penates*») Саути, драматической сцены Барри Корнуола «Сокол» («*The Falcon, a Dramatic Sketch*»), «Жалобы» Кольриджа («*Complaint*») (Долинин 2001: 47).

Все эти незавершенные попытки пушкинских переводов из английских поэтов побуждают А. А. Долинина сделать вывод, что «непосредственное знакомство Пушкина с английской поэзией в 1830-е годы имеет значительные творческие последствия только в тех случаях, когда он использует ее как источник новых тем и мотивов, подхватываемых и развиваемых в диалоге-соревновании с оригиналом. Как давно установили исследователи, «Заклинание», «Я здесь, Инезилья», «Эхо» и «Пью за здравие Мери» отталкиваются от стихотворений Барри Корнуола, «Цыганы» («Над лесистыми брегами», 1830) — от стихотворения Уильяма Боулса, «На Испанию родную» — от поэмы Роберта Саути «Родрик, последний из готов» (Долинин 2001: 48). Интерес Пушкина к английской литературе, исследователь объясняет «не только обретенными им в это время навыками чтения по-английски, благодаря чему его читательский кругозор не мог не расшириться. В первую очередь, это было связано с поиском новых тем, жанров, художественных средств за пределами современной французской словесности, развитие которой его не удовлетворяло» (Долинин 2001: 48).

При всей дискуссионности проблемы английского языка у Пушкина бесспорно то, что интерес поэта к английской литературе и к Байрону, а затем открытие Шекспира побудили его к основательному изучению английского языка, пробудили в нем азартное желание читать в подлиннике Шекспира, Байрона, английскую литературу в целом.

Так, главным достижением в изучении иностранных языков Пушкиным становится не способность свободно изъясняться устно или даже письменно, что, надо полагать, Пушкин прекрасно делал по-французски, но

те уроки, которые поэт извлекал, осваивая иноязычные оригиналы и перевыражая их на родном языке, совершенствуя таким образом свой литературный дар: «Будучи с детства обучен лишь французскому языку, он позже познакомился — хоть и поверхностно должно быть — с итальянским и немецким, усердно изучал английский и достиг вероятно хорошего его знания (только с произношением так и не сладил до конца), занимался испанским, переводя отрывки из «Цыганочки» Сервантеса. Инстинкт поэта помог ему и там, где знания не доставало, и благодаря этим часам, проведенным над грамматикой и словарем, русский язык «столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» получал пищу, нужную ему, вступал во владение Европой» (Вейдле 1991: 36).

Как известно, молодой Пушкин был воспитан на образцах французской литературы XVII-XVIII веков. След, оставленный подобным воспитанием, не мог исчезнуть с увлечением другими национальными литературами, которое Пушкин пережил уже в более зрелом возрасте. Эти изменения юношеских литературных пристрастий, взглядов и культурных оценок являются актуальной проблемой и в анализе пушкинского увлечения Шекспиром. В этой связи М. П. Алексеев отмечал, что именно представление о зависимости Пушкина от французской литературы мешало некоторым исследователям понять правильно историю зарождения и эволюции пушкинского шекспиризма, которые даже в «Борисе Годунове» «усматривали пробивающиеся сквозь шекспировские воздействия отчетливые воспоминания о драматических теориях Расина; в изложении поисков Пушкиным собственной драматической формы подчеркивали, что борьба, сопровождавшая в его собственной практике разрыв с учением о трех единствах, была длительной и что именно эта борьба отразилась в его письмах к Н. Раевскому» (Алексеев 1972: 245).

Происходит изменение читательских пристрастий поэта: «В 20-х годах горизонт

Пушкина расширяется, и он выходит за пределы французской традиции. Ариосто был ему знаком по Вольтеру, Мильтон — по Делилю, Оссиан — по Парни, Гете — по мадам де Сталь. В 20-х годах иностранная литература наконец доходит до него в своей подлинной форме. Даже читая эту литературу во французских переводах, он узнает в ней оригинальные, национальные черты, лежащие вне французской традиции» (Томашевский 1960: 91). В этой связи интересны мысли Пушкина по поводу влияния английской литературы на русскую: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» (XIII, 40). Возникает характерная неприязнь к французской литературе, отразившаяся, например, в письмах Вяземскому от 6 февраля и от 19 августа 1823 г.: «Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность» (XIII, 57), «...стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии» (XIII, 63).

Критическое отношение Пушкина к французской литературе вызвано, как справедливо отметил Б. В. Томашевский, открытием Шекспира: «Везде, где он (Пушкин. — Н. З.) говорит о нем (Шекспире. — Н. З.), он противопоставляет его французам. Все его характеристики Шекспира создаются на фоне французского классицизма. Шекспир или Расин, Шекспир или Мольер — вот проблемы. Даже отдельные произведения Шекспира понимаются им лишь при условии противопоставления французским драматическим образцам. «Венецианский купец» и «Скупой» Мольера, «Мера за меру» и «Тартюф» — вот привычные антитезы. Даже «Отелло» понимается им на фоне вольтеровского подражания. Мерой в литературной оценке остается французская классическая школа. Правда, Пушкин свободно порывает с внешними формами французской трагедии, отказавшись от трех единств (хотя письмо Раевскому об этих трех единствах характеризует длительную внутреннюю борьбу). Он явно предпочитает шекспиров-

ский театр французскому и под влиянием мадам де Сталь и Шлегеля отчетливо формулирует недостатки французского придворного устава трагического театра: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» (Томашевский 1960: 91–92). В этом процитированном исследователем письме А. Дельвигу, написанном Пушкиным в январе 1826 г., отражаются творческие взгляды поэта на трагедию. Окончательно сформированные во время его работы над «Борисом Годуновым», они четко отражают принятие «шекспировского взгляда» на драматургию и творчество в целом.

Фундаментальную важность внутреннего перелома, пережитого Пушкиным под влиянием Шекспира в период с 1824 по 1825 г., отмечал М. П. Алексеев. По его словам, перелом во взглядах Пушкина «сопровождался отказом от предпочтения французской культуры и опытами выработки самостоятельного и объективного суждения о литературных ценностях, созданных в прошлом другими народами Европы — итальянцами, англичанами, испанцами; так в эстетических размышлениях Пушкина появилось новое и устойчиво употреблявшееся созвездие: Данте, Шекспир, Кальдерон» (Алексеев 1972: 246).

Со своей стороны, мы можем добавить еще несколько имен, которые также часто встречаются в письмах и критических статьях Пушкина: Гете, Гомер и Сервантес стали теми фигурами, которые вместе с Байроном, а позже Шекспиром потеснили Мольера, Вольтера и Расина в литературном пантеоне поэта.

Увлечение Шекспиром не означало полного отрицания Пушкиным его первых опытов творчества, в большинстве своем созданных под воздействием французской традиции. Шекспир открыл Пушкину глаза на излишнюю условность французской литературы, на мертвенность ее слога и неестественность многих характеров. Понимание этих слабых черт дало поэту уверенность в новых принципах поэтики, которые, хотя и сходны с шекспировскими принципами, но

не были их подражательным повторением. Пушкин умел обращать себе в пользу любые из открытий предшественников. У многих Пушкин находил что-то свое, с гениальным мастерством претворяя «чужое» в «свое», но его основным учителем стал Шекспир.

Чужим для Пушкина был и английский язык, но как результат проявления гениального ученичества русского поэта в начальный период его шекспиризма можно отметить работу над его штудированием. Эти английские штудии особенно ярко стали проявляться в период создания драмы «Борис Годунов», а позже переросли почти в первостепенную задачу всей творческой эволюции русского поэта.

Английский язык и английская литература стали во многом ключевыми составляющими тезауруса Пушкина.

Лит.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972; Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М., 1999; Вейдле В. В. Пушкин и Европа // Русская речь. 1991. № 3; Вересаев В. Соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2; Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928; Винокур Г. О. Комментарий к «Борису Годунову» // Пушкин А. С.

Полн. собр. соч. Л., 1935. Т. VII; Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899; Долинин А. А. Пушкин и Англия // Всемирное Слово: Международный журнал. 2001. № 14; Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. Публичные чтения, речи, статьи и заметки. СПб, 1906; Левин Ю. Д. Об источниках поэмы Пушкина «Анджело» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVII. Вып. 3. М., 1968; Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. / А. Н. Николюкин (ред.). М., 1999; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. I–XVI. М.-Л., 1937–1959; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4-е. Т. 1–10. Л., 1977–1979; Пушкин А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1–2; Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.-Л., 1935; Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960; Цявловский М. А. Пушкин и английский язык // Пушкин и его современники. Т. 5. Вып. XVII–XX. СПб., 1913; Шоу Дж. Т. Поэтика неожиданного у Пушкина: Нерифмованные строки в рифмованной поэзии и рифмованные строки в нерифмованной поэзии / Пер. с англ. Т. Скулачевой, М. Гаспарова. М., 2002.

Из хроники научной жизни

23 января 2006 г. в Московском Доме ученых состоялась Годичная сессия Русской секции Международной академии наук (РС МАН). Об итогах работы за 2005 г. и планах на 2006 г. докладывали президент МАН профессор В. Кофлер (Австрия), вице-президент МАН академик РАМН К. В. Судаков, президент Восточно-европейской секции МАН профессор К. Гехт (Германия), генеральный секретарь РС МАН профессор О. С. Глазачев. В. Кофлер передал участникам Сессии приветствие лауреата Нобелевской премии, Президента Академии Синика Тапей, почетного президента МАН профессора Я. Т. Ли (Тайвань). С основным научным докладом по теме «Гуманитарные науки и процветание общества» выступил академик МАН, директор Института гуманитарных исследований МосГУ профессор Вал. А. Луков. Доклад получил высокую оценку российских и иностранных членов Академии. Развитие гуманитарных исследований было признано участниками сессии приоритетным направлением работы Академии на 2006 г. В. Кофлер вручил награды лучшим российским молодым ученым 2005 года. Среди награжденных — научный сотрудник ИГИ МосГУ Г. Ю. Канарш. Среди избранных в 2005 г. академиков МАН — ведущий научный сотрудник ИГИ МосГУ, доктор философии (PhD) Н. В. Захаров.